

снятыхъ топографически. Товарищъ, какъ и было условлено, старался привязать свою съемку къ поперечно-гобийскому пути Н. М. Пржевальскаго. Достигнувъ восточной окраины горъ Гурбанъ-сайханъ, при колодцѣ Сайрэнъ-худукъ, А. Н. Казнаковъ, въ силу ошибочныхъ изображеній топографическаго рельефа на стоверстной картѣ, былъ введенъ въ заблужденіе относительно истиннаго положенія маршрута Н. М. Пржевальскаго и тѣмъ легче склонился отождествить колодецъ Сайрэнъ-худукъ съ колодцемъ Дзере-худукъ, что и „мѣстные жители, которыхъ онъ уже давно о немъ спрашивалъ, ни о какомъ Дзере-худукѣ не слыхали“. Въ дѣйствительности, по вычисленіи астрономическихъ пунктовъ и общей обработки топографическаго матеріала первой части нашей экспедиціи, выяснилось, что колодецъ Дзере-худукъ на маршрутѣ Пржевальскаго отстоитъ отъ восточнаго пункта Казнакова на 75 верстъ въ дальнѣйшемъ къ востоку направленіи. Съ колодца Сайрэнъ-худукъ мой сотрудникъ, взявъ курсъ на сѣверо-западъ, направился на встрѣчу главному каравану, съ которымъ и соединился въ окрестностяхъ озера Уланъ-норъ.

По сдачѣ монголамъ посылокъ съ коллекціями и пакетовъ, Бадмажаповъ былъ вновь командированъ мною, на этотъ разъ къ Балдынъ-цзасак'у, кочевавшему у южной подошвы горъ Гурбанъ-сайханъ. Дѣло въ томъ, что сѣверная граница владѣній хошуна, во-главѣ котораго стоитъ Балдынъ-цзасакъ, лежала въ урочищѣ Булунъ, въ одномъ переходѣ отъ Чацеринги-худук'а по предстоявшему намъ пути, и что дальнѣйшее наше слѣдованіе, приблизительно до середины пустыни Гоби, должно было происходить во владѣніяхъ этого правителя. Снабдить экспедицію, ея главный караванъ и разъѣздъ А. Н. Казнакова, знающими проводниками и извѣстнымъ числомъ караванныхъ животныхъ и заблаговременно увѣдомить о моемъ движеніи ближайшихъ по моей дорогѣ алашаньскихъ монголовъ—вотъ существенныя просьбы, съ которыми я обратился къ Балдынъ-цзасак'у, который быстро и великодушно разрѣшилъ ихъ въ нашу пользу. Балдынъ-цзасакъ не сталъ отговариваться бездорожьемъ или иною невозможностью пройти въ желаемомъ нами направленіи, но въ то же время не преминулъ предупредить насъ, что путь въ этой части пустыни дѣйствительно очень тяжелъ и надо быть подготовленнымъ ко всякаго рода неприятнымъ или тяжелымъ случайностямъ; — „и все-таки, заключилъ Балдынъ-цзасакъ, охотно исполняю всѣ ваши требованія только потому, что давно уже слышалъ отъ достовѣрныхъ людей о вашемъ дружелюбномъ отношеніи къ нашему монгольскому народу“.